

ЧЕРНИКОВ Михаил Васильевич – д. филос. н., доцент; профессор Института менеджмента, маркетинга и финансов, Воронеж; профессор Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84; mv.chernikov@gmail.ru)

КОНЦЕПТЫ «ЦАРСТВО» И «ИМПЕРСТВО» В ИСТОРИИ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ двух глубоких политико-философских концептов – «царство» и «имперство», имеющих большое значение для понимания русской истории и истории русской ментальности. Привлекается релевантный историко-культурный материал, обсуждаются ментальные импликации принятия соответствующих установок.

Ключевые слова: концепт, царство, имперство, русская история, история русской ментальности

Уже классическим для историко-философского и социально-политического дискурса стало противопоставление начал, выражаемых концептами «царство» и «священство». Царство в этом контексте рассматривается как светское, государственное начало, ассоциируемое с мирским правителем, в качестве которого выступает царь или, в других семиотических системах власти, король, император, монарх (причем все эти определения рассматриваются как сущностно синонимичные); священство трактуется как сакрализованное, церковно-религиозное начало, патронируемое соответствующим главой церкви – патриархом (восточное христианство) или папой (западное христианство). Диалектика взаимоотношений царства и священства, полная внутренних коллизий и напряжений, является одним из ключевых аспектов при рассмотрении исторических социально-политических реалий.

Важно, однако, заметить, что не менее существенным, по крайней мере для русской истории, представляется различие и соответствующее противопоставление концептов «царство» и «имперство», традиционно рассматриваемых как синонимичные. Содержательные импликации этих концептов в русском общественно-политическом и, шире, культурном сознании окрашены в различные тона.

Возможность такого противопоставления коренится в историческом прошлом российской государственности. Как известно, становление русского централизованного государства (вторая половина XV – XVI вв.) идеологически оформлялось в русле концепции «Москва – третий Рим». В связи, как считалось, с изменой истинной христианской вере – православию – со стороны Византии (традиционного оплота восточного христианства), подписавшей так называемую Флорентийскую унию с западной церковью, единственным мощным государственным образованием в рамках ортодоксально-православной традиции осталась Россия (Византия в скором времени вообще потеряла государственную самостоятельность, пав под ударами турок).

Русское общественное сознание понимает такое положение дел как, буквально, промысел Божий, как задание, обращенное к российскому государству, суть которого – «стоять в истине Христовой» и служить оплотом православия во всем мире. В рамках осмысления такого задания и складывается идеологическое обеспечение Московского царства. Великий князь Московский воспринимает византийский титул *царя*, а русское государство берет на себя миссию *царства*.

Фактический отказ от идеи *царства* и переход к идее *имперства* в истории российской государственности оформляется в конце XVII – начале XVIII вв. Ключевым моментом здесь стало правление Петра I. И дело даже не в том, что Петр первым в русской истории принимает титул императора, а Россия начинает величаться империей, – все это лишь наглядные, официально закрепляемые признаки новой государственной идеологии, нового стиля мышления. Подлинная трансформация происходит на мировоззренческом уровне.

Важно отметить, что идея царства на Руси имеет сугубо теократический характер. Истина православного царства – единый Бог, святая Троица, Христос – Сын Божий.

Правда православного царства есть Правда Христова, данная через Священное Писание и хранимая церковью. Следование по пути такой Правды, как считается, ведет и к земному благополучию царства и, что особенно важно, к спасению души, обретению вечной жизни во Христе. В царстве земное подчинено небесному, царь понимается как слуга Божий, высшая задача которого состоит в пастырском служении и попечении над вверенным ему народом [Черников 1999: 55-56].

Иван Грозный, например, о своем царском призвании говорил так: «Всемилющий боже устроил мя земли сей православной царя и пастыря — еже правити людие Его в православии непоколебимом быти» [Карташев 1997а: 441]. Или в другом месте: «Тщусь со усердием люди на истину и на свет наставити, да познают Бога истинного и от Бога даннаго им государя» [Карташев 1997а: 441]. Царь Алексей Михайлович полагал, что Бог даровал ему власть для обеспечения на земле Правды Христовой, дабы «люди Его Световы разсудити в правду» [Вальденберг 1916: 395]. В обращении к Антиохийскому патриарху Макарию он пишет: обязанность его (Алексея Михайловича) «еже есть общий мир церквам и здраву веру крепко соблюдатьи и хранити нам. Егда бо сия в нас в целости соблюдутся и снабдятся, тогда нам вся благая строения от прочии вещи вся добре устроятся имут» [Карташев 1997б: 122].

Однако имперская идеология существенно иная. Истина империи — государство, государственная мощь, земной Левиафан. Государство — вот главная опора и крепость, вот залог благоденствия подданных, непосредственное условие их спасения. И речь здесь идет уже не об отдаленном небесном спасении, а о спасении вполне реальном, сугубо земном. Правда империи, этот голос имперской истины, звучит так: праведно все, что идет на пользу государства, что увеличивает его могущество, что повышает его жизнеспособность.

Небесная Правда не то чтобы совсем отвергается, но как бы отдалается, уходит на второй план. На первом же плане оказываются задачи дня, государственный интерес. Мировоззренческий горизонт теряет небесную составляющую, сужается, ограничивается земными перспективами, но при этом сами земные перспективы обретают сакральный характер. Служение государству воспринимается как высшая задача человека в этом мире.

Император — это, строго говоря, не царь. Император, как и царь, — слуга, но если царь — слуга Христовой Правды, то император — слуга правды государственной, слуга Отечества. Царь заботится в первую очередь о душевном спасении вверенных ему людей, император больше всего печется об общем благе, о народной пользе. Наконец, если царь преимущественно опирается на традицию и руководствуется библейским, транслируемым церковью учением, то император во главу угла ставит рационально выверенные и подкрепляемые практическим опытом правила. И если таковые не может дать церковь (а она их, как правило, и не дает), то церковь в империи, по сути дела, становится факультативной, становится лишь некой «духовной коллегией», особым министерством по нравственному и душеспасительному попечению граждан.

Если обратиться к истории России, то можно проследить, как внутри русского царства зарождались имперские ориентации. Так, исходя из государственных интересов, происходило наступление на права церкви, получившее официально-юридическое воплощение в Судебнике 1649 года. Учреждается Монастырский приказ, который должен был ведать церковными имуществами и осуществлять ряд судебных функций, ранее бывших в компетенции церковных властей. Изменяются формулировки так называемых ставленных грамот, выдаваемых духовным лицам при поставлении — в них появляется указание, что поставление совершается «повелением государя царя».

Все это вызывает резкие протесты духовенства. Патриарх Никон в своем обращении к царю Алексею Михайловичу писал: «...всем архиерейским рука твоя обладает и судом и достоянием, страшно молить, обаче терпеть не возможно, еже нами слышится, яко по твоему указу и владык посещают и архимандрит и игуменов и попов поставляют и в ставильных грамотах пишут равночестна и Святому Духу, аще по благодати Святого Духа и по указу великого государя. Не доволен Святой

Дух посвятити без твоего указу...» [Успенский 1996: 226]. Страстный приверженец теократии, Никон повел самый решительный бой с нарастающей внутри русского царства имперской ориентацией, но, что весьма показательно, он этот бой, при всем своем влиянии на богобоязненного царя Алексея Михайловича, проиграл — идея теократического государства оказалась решительно дискредитированной. Идеология государства Правды была вынуждена уступить место идеологии правды государства. Окончательно закрепил этот мировоззренческий поворот Петр I.

Имперское государство в силу тотальности своей природы предполагает монарха, обладающего тотальным руководством. Подобный монарх есть фактически демиург, доводящий в своем лице до народа голос истины и устраивающий народное положение согласно требованиям истины. Причем истина здесь — космическая по масштабу, но уже не трансцендентная. Живой Бог библейского откровения оказывается замененным безличным богом — природой, богом — космическим механизмом. Полпредом такого бога и выступает император, сам именуемый и богом (как вариант — *земной Бог*), и Христом — помазанником Божиим.

Имперство с его стратегической ориентацией на устройство «земного рая» есть по сути вариант хилиазма, в то время как царство имеет большее сродство с эсхатологией [Булгаков 1997]. Критика идеи царства со стороны имперства оформляется как упрек в земной неэффективности, упрек в отсутствии прагматичности, но в то же время идея имперства, по существу отказываясь от трансцендентного обоснования Правды, т.е. высшего человеческого должностования, сама оказывается перед лицом глобальных проблем.

Прагматика имперства, вращаясь в круге сугубо земных задач, не может быть подлинно сакральной, не может выступать общезначимым императивом нравственности, не может претендовать на статус святого долга, а потому не может осуществлять эффективную мобилизацию людей на служение общему делу. В этом смысле переход от идеи царства к идее имперства по существу подготавливает распад империи как государственного образования. Империя может существовать только на основе идеологии царства, т.е. на основе такого верховного принципа легитимности, который имеет подлинно сакральный, иначе говоря, трансцендентный характер. Десакрализация, переход от идеи царства к идее имперства, будучи честным отражением глобальной тенденции Нового времени, губительна для исторически сложившихся империй. Именно поэтому кризис имперской государственности, в частности кризис российской империи на рубеже XIX — XX вв., ведет к актуализации в общественном сознании этого времени идеи царства, возникает «тоска по Священному». Спрос порождает предложение, и начинают генерироваться симулякры Священного, которые настойчиво внедряются в общественное сознание, что чревато катастрофическими последствиями (учтем, что и фашизм, и коммунизм в XX в. выступали именно как симулякры Священного).

Таким образом, следует подчеркнуть, что в российском общественном сознании исторически сложились две философы, ориентированные, соответственно, на идею *царства* и идею *имперства*. Различение этих философов в связи с их влиянием на российскую ментальность есть важное условие понимания как исторической, так и современной России.

Список литературы

Булгаков С.Н. 1997. Апокалиптика, социология, философия истории, социализм (Религиозно-философские параллели). — *Труды по социологии и теологии*. В 2 т. М.: Наука. Т. 2.

Вальденберг В.Е. 1916. *Древнерусские учения о пределах царской власти*. Петроград: типография А. Бенке. 474 с.

Карташев А.В. 1997а. *Очерки по истории русской церкви*. В 2 т. М.: Терра. Т. 1. 688 с.

Карташев А.В. 1997б. *Очерки по истории русской церкви*. В 2 т. М.: Терра. Т. 2. 586 с.

Успенский Б.А. 1996. *Избранные труды*. В 3 т. Т. 1. *Семиотика истории. Семиотика культуры*. М.: Языки русской культуры. 608 с.

Черников М.В. 1999. Концепты «правда» и «истина» в русской культуре: проблема корреляции. — *Полис (Политические исследования)*. № 5. С. 43-61.

CHERNIKOV Mikhail Vasilievich, *Doc.Sci.(Philos.)*, Associate Professor; Professor of the Institute of Management, Marketing and Finance, Voronezh; Professor of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering (20-letija Oktjabrja str., 84, Voronezh, Russia, 394006; mv.chemikov@gmail.ru)

TSARITY AND EMPERITY CONCEPTS IN THE HISTORY OF RUSSIAN MENTALITY

Abstract. The article presents the results of a contrastive-comparative analysis of two political and philosophical concepts: of the so-called tsarity (kingdom, under tsar power) and emperity (imperial state), that have the serious importance for the correct understanding and interpreting as of the Russian history so the Russian mentality history. The relevant historical and cultural data is used; the author studies the mental implications of using appropriate attitudes.

Key words: concept, tsarity, emperity, Russian history, Russian mentality history

References

Bulgakov S.N. Apokaliptika, sociologija, filosofija istorii, socializm (Religiozno-filosofskie paralleli) [Apocaliptics, Sociology, Philosophy of History, Socialism (Religious and Philosophical Parallels)]. — *Trudy po sociologii i teologii. V 2 t. [Works on Sociology and Theology. In 2 vol.]*. M.: Nauka Publ. 1997. Vol. 2.

Chernikov M.V. Concepts of Truth and Verity in Russian Culture: Problem of Correlation. — *Polis (Political Studies)*. 1999. No 5. P. 43-61.

Kartashev A.V. *Ocherki po istorii russkoj cerkvi. V 2 t. [Essays on Russian Orthodox Church History. In 2 vol.]*. M.: Terra Publ. 1997a. Vol. 1. 688 p.

Kartashev A.V. *Ocherki po istorii russkoj cerkvi. V 2 t. [Essays on Russian Orthodox Church History. In 2 vol.]*. M.: Terra Publ. 1997b. Vol. 2. 586 p.

Uspenskij B.A. *Izbrannye trudy. V 3 t. [Selected Works. In 3 vol.] T. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. [Vol. 1. Semiotics of History, Semiotics of Culture]* M.: Jazyki russkoj kul'tury Publ. 1996. 608 p.

Val'denberg V.E. *Drevnerusskie uchenija o predelah carskoj vlasti [Ancient Russian Studies about the Limits of the Tsar's Power]*. Petrograd: A. Benke Press. 1916. 475 p.

УДК 32.019.51

ТОМБУ Дина Вольдемаровна – к.соц.н., доцент кафедры политологии и социологии Московского педагогического государственного университета (117571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, 88; tombu@sumail.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ПОТРЕБЛЯЮЩЕГО

Аннотация. В статье в контексте теории общества потребления рассматриваются такие проблемы политической социализации человека, как сублимация активности в практиках индивидуального потребления и понимание свободы только в форме свободы потребительского выбора, заключающегося в широте ассортимента и платежеспособности. Как следствие, поисковая логика обыденного сознания обнаруживает, как правило, только один вариант их понимания и индивидуального воплощения – материальный. Так, «человек потребляющий» способен конструировать образ будущего лишь в границах собственной идентичности, а еще точнее, собственной биографии, в которой место общественным интересам и политическим ценностям отводится в основном в ситуации угрозы материальному и физическому благополучию. Такая «демократия супермаркета» ведет к исчезновению гражданской морали и ответственности, к социальной апатии, к росту недоверия к политическим элитам и окончательной утрате значения слова «мы».

Ключевые слова: человек потребляющий, политический идеал, политические ценности, государство, политическая элита

Политическая социализация современного *homo consumer* – человека потребляющего – происходит в основном в информационно-развлекательном формате и в атмосфере сомнений в целесообразности и внятности наличествующих